

Судьба когнитивных презумпций: от лингвистической относительности к онтологической

Введение. Язык, мышление, культура. Психолингвистика или когнитивная лингвистика начинается с необходимости проникнуть в «тайну сознания» посредством обращения к его инструменту – языку и слову как атому сознания. Метафора «тайна сознания» предполагает, кроме прочего, исследование ряда теоретико-познавательных проблем, связанных со способами объективации научного знания, или построения онтологии, в которых концептуально-дискурсивный характер языка играет значительную роль. Достижения рефлексивных интеллектуальных практик, часть которых относится к когнитивным, во многом связаны с постановкой и попыткой решения проблемы соотношения языка и мышления, осуществленной в исследованиях Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) — выдающегося немецкого филолога и философа. Он предложил один из способов такого решения: язык должен изучаться не только как результат когнитивной деятельности, но и как средство. Этого можно достигнуть, если рассматривать связь мышления и языка посредством культуры народа (этноса). По мнению исследователя, язык выступает посредником между человеком и миром. При этом посредничество не проходит бесследно. Напротив, язык, конденсируясь в культуре этноса, обуславливает отношение человека к миру, задавая идеалы и нормы его освоения.

Субстациональная и релятивистская парадигма. С точки зрения методологии языкознания как рефлексии языковой деятельности, язык следует рассматривать не только как лингвистическое средство когнитивного освоения мира, но и форму проектирования новых понятий-схем, задающих общее видение решения проблем в форме языковой картины мира. При этом языковая картина мира выполняет функцию своеобразной первичной или базовой онтологии, над которой возвышаются слои концептуально-теоретических моделей, позволяющих осваивать реальность. Вся эта

конструкция-иерархия знаний обосновывается процессом объективации - определения первичной реальности, репрезентируемой как то, что существует «на самом деле», объективно. Объективная реальность, задается посредством введения инвариантных величин, которые основываются на процессе визуализации и так называемом здравом смысле. Другими словами, в основе наших представлений о мире лежит психика, восприятие, органы чувств здорового человека, который отличает существование мира от иллюзий. Вот утрированное представление о том, что составляет основу субстанциальной парадигмы моделирования мира. Если перейти на более глубокое обоснование лингвистической субстанции, то можно заметить, что в качестве инвариантов могут выступать так называемые универсалии культуры. Они представляют собой некоторые структурные образования, в которых выражаются системные характеристики реальности: представления о фундаментальных научных объектах, через которые выражаются остальные; представления об общих закономерностях взаимодействия; представления о пространственно-временной структуре реальности и др. Эти когнитивные инварианты получили название научной картины мира и выполняют своеобразную функцию карты, которая позволяет ориентироваться на местности, выполнять определенную навигацию. При этом происходит постоянное сравнение карты и местности, что называется процессом объективации посредством построения онтологии через субстанцию.

Данный способ онтологизации представляет собой основную парадигму классической науки, в которой объект противопоставляется субъекту и всячески от него «очищается». Идеал классической науки - объективное знание о мире. В лингвистике также происходит процесс объективации в виде поиска инвариантов - в качестве субстанции выступает вначале языковая культура, а затем языковая картина мира. При этом следует обратить внимание, что понятие языковая картина мира, согласно Лео Вайсгербера, учитывает не только специфику этноса (например, в форме

обобщенных и объективированных характеристик менталитета), но и содержит противоречие в инвариантах смыслообразования, которые нельзя подвергнуть классической дихотомии «объективное-субъективное». В последующем развитии это противоречие, проявит себя в недалеком будущем при исследовании проблем сравнительного языкознания как смена идеалов и норм мышления, становление релятивистской парадигмы в лингвистике.

Другими словами, субстанциальная парадигма моделирования мира не выдерживает «антропологического поворота» в лингвистике и для своей модернизации вводит принцип лингвистической относительности. Можно сказать, что данный принцип зависимости мышления от языка в концепте языковая картина мира приобретает все более явное звучание. При всей природной онтологичности и объективности «картины мира» в классической науке данный способ онтологизации не в состоянии объективировать языковую реальность при смене предмета лингвистического исследования. А именно эта смена происходит, когда язык рассматривается в форме коммуникаций и других лингвистических практик. При моделировании лингвистических феноменов как процессов, «живой» культуры, формой существования которой являются различные процессы культуротворчества, объектно-субстанциальная парадигма дает сбой, поскольку субъект органично входит в когнитивные процессы и является неустранимым в принципе. Попытка распространить субстанциальную онтологию, характерную классическому типу рациональности, в лингвистике, которая рассматривает лингвистические феномены как объекты (простые самотождественные системы) на мир культуротворчества, посредством выделения лингвистических форм и способов освоения мира оказывается несостоятельной.

Как стало понятно несколько позже (при методологическом осмыслении феноменов квантовой механики и в целом неклассической науки) субстанциальная парадигма исследования является принципиально

неполной и подобно квантовомеханическому способу описания реальности нуждается в дополнении ее релятивистской парадигмой. Посредством межкультурной трансляции в лингвистике зарождалась неклассическая рациональность, «антропологический поворот» становился все более радикальным, субъект все смелее замещал объект на конструкт, превращая исследование в проектирование.

Лингвистическая относительность. Релятивистская концепция языка в форме гипотезы лингвистической относительности сформировалась в дискурсе этнолингвистики, которая смело вырабатывала антропологические новации. Родоначальником знаменитой гипотезы не случайно является великий американский лингвист Эдуард Сепир, который по образованию был инженером. И этот инженерно-конструктивный дискурс следует иметь в виду, поскольку он отражает проектно - конструктивный стиль мышления и методологию, которой руководствуется Проектировщик. Заметим, что Проектирование написано с большой буквы не только как дань уважения разработчику Э. Сепиру, но и соответствует культурной новации. В современной культуре Проектирование обозначается с большой буквы для того, чтобы подчеркнуть его фундаментальный статус, наряду с научным исследованием. При этом, в отличие от классической науки и стандарта объективности исследования относительность проектирования к средствам (в том числе лингвистическим) и цели является исходной презумпцией.

Мы не будем останавливаться на историческом дискурсе этой проблемы, отметим, лишь, что принцип лингвистической относительности вошел в науку в форме гипотезы Сепира—Уорфа. Однако, если следовать методологическому подходу, то необходимо сказать, что данный методологический принцип играет роль отнюдь не гипотезы. Мы имеем дело с принципиальной новацией в методологическом инструментарии, а именно неклассической парадигмой решения проблемы соотношения языка и мышления. Фактически лингвистика переходила на принципы Проектирования, в которой принцип зависимости (или относительности)

результата от целей и средств является атрибутивным. Заметим, что термин «соотношение» используется в качестве метафоры, ибо за ней скрывается ряд глубинных вопросов на тему, каким образом реализуется мышление как репрезентация когнитивной деятельности и какую роль в этом процессе играют языковые формы. Именно поэтому, общепризнанная формулировка о том, что язык определяет мышление и способ познания является не столько гипотезой, сколько презумпцией и в отличие от гипотезы не требует доказательств (а только интерпретации и обоснования).

Заметим также, что формулировка гипотезы в данной редакции впоследствии получила название «сильной». «Сила» вытекала из программы исследования. Для того чтобы понять «когнитивную тайну сознания», следует изучать закономерности формирования и функционирования языка как интеллектуального ресурса. Дальнейшие исследования показали, что формулировка гипотезы «язык определяет мышление и способ познания» представляет собой очень сильную абстракцию и ее следует смягчить, ибо исследование феномена сознания и мышления отнюдь не сводится к изучению языковых форм (инструментов). Появилась слабая формулировка гипотезы лингвистической относительности: язык влияет на мышление. Язык стал рассматриваться как инструмент сознания, наряду с этнокультурными, информационно-коммуникативными, параязыковыми и другими факторами - инструментами. Итак, в сильном варианте гипотеза утверждает, что язык определяет (детерминирует) мышление, а в слабом — что язык влияет на мышление. Заметим, что в данном случае имеются в виду когнитивные процессы, а мышление выступает в роли интеллектуального репрезентанта.

Субстациональная парадигма и универсализм. Однако противоречие между двумя способами решения проблемы (парадигмами) – соотношения языка и лингвистической реальности проявилось не только на филогенетическом уровне - в форме этнокультурного наследования. Онтогенетический подход к проблеме социокультурного и индивидуально-личностного лингвистического наследования получил общее и прикладное

решение в теории генеративной универсальной грамматики, разработанной американским лингвистом Н. Хомским. Суть его идей заключалась в предположении, что существуют некие универсальные языковые закономерности, аналогичные природным, которые подвергаются социально-генетическому наследованию каждым индивидом в форме задатков - способностей. Другими словами, всем языкам мира на глубинном уровне присущи некие универсальные структуры, которые наследуются не только в культуре, но и на уровне индивидуального развития (онтогенеза), что позволяет ребенку овладевать родным языком. Таким образом, предположение о существовании универсальной грамматики оказалось конгруэнтным языковой картине мира, имеющей иной модус существования и включающей в себя субстанциальную парадигму на уровне онтогенеза. А разработки Хомского получили название универсалистского подхода, поскольку вписываются в субстанциально-онтологическую парадигму, в которой роль субстанции играют универсальные грамматические структуры.

Система лингвистических универсалий и ее ограничения. «Глубинные структуры языка» согласно Хомскому Н. представляют собой вербальный синтаксис, определенные лингвистические универсалии, которые лежат в основе усвоения ребенком родного языка. При построении своей концепции Н. Хомский действует в рамках объектно - субстанциальной парадигмы и находится в русле классического типа рациональности [1]. В силу этого он принимает (зачастую неявно) ряд презумпций, идеализаций – упрощений. В частности, исследователь исходит из субъект-объектной схемы моделирования речевой деятельности а также однозначного соответствия: Слово (Понятие) - Значение (Смысл). Объектная парадигма не позволяет рассматривать язык как процесс смыслопорождения, поскольку каждое слово как знак имеет строго определенное значение. При этом игнорируются субъекты словотворчества - говорящий и слушающий, которые в процессе коммуникации конструируют и реконструируют не только смыслы, но и значение, которое носит индивидуально-личностный характер

Как известно, субъект – объектное отношение составляет основу классической объектно - субстанциальной парадигмы, восходит к Платоновскому миру идей и самотождественных языковых форм и абстрагируется от лингвистического дискурса - речевой деятельности-коммуникации. Далее, одной из презумпций Хомского Н. также является исключительно вербальная природа «глубинных структур языка», которые находятся в универсальной грамматике-синтаксисе, присущем всем языкам без исключения. На наш взгляд, поставленная Хомским задача поиска языковых универсалий не может быть решена только в лингвистическом пространстве, определяемом синтаксисом, грамматикой, лексикой. Данное пространство абстрагируется от речевой, а значит смыслопорождающей мыслительной и информационно-коммуникативной деятельности. Передача информации предполагает более широкий, а не только антропогенный, лингво-семиотический контекст и может быть реализована не только в форме слов, но и невербальными языками, а также при помощи информационных технологий.

Неклассическая лингвистическая наука строится на коммуникативной парадигме, содержащей трехчленную модель «субъект (говорящий-слушающий) – смысл - слово». В классической модели слова (значения) существуют самостоятельно и могут быть воспроизведены и услышаны совершенно идентично по смыслу в звуковой форме. В коммуникативной парадигме моделирование речевого процесса не рассматривается как набор слов и звуков. Смысл не содержится ни в фонеме, ни в морфеме, ни в предложении как таковом, которое существует вне говорящего, читающего, слушающего. Семиотика, основанная на коммуникативной парадигме, исходит из несамотождественности вербальных единиц, которые актуализируются и обретают смысл в процессе коммуникации.

Логико-когнитивные универсалии. Фундаментальные структуры языка, или, в другой редакции, система языковых универсалий составляют основу языковой картины мира и могут быть эксплицированы в дискурсе не

только лингвистической парадигмы и теоретического уровня. Решение данной задачи включает в себя также исследование проблемы становления языка и мышления. И в этом смысле языковые универсалии Хомского выступают как «генетический код» - саморазвивающаяся программа и парадигма языкового развития. Решение задачи создания искусственного интеллекта также упирается в разработку этой проблемы как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Еще один подход - эмпирические методы изучения пара-языкового развития: антропоиды, антропосоциогенезис. Наконец, построение объяснительной модели становления интеллекта ребенка, полученное в генетической психологии Ж. Пиаже, дает возможность эксплицировать методологию и принципы моделирования когнитивного развития на основе своеобразных логико-когнитивных универсалий, которые можно репрезентировать в виде схем, инвариантных структур когнитивной деятельности. Появление новых когнитивных структур ребенка «обосновывается» посредством чувства «необходимости», гармонии, динамического равновесия, которая вызвана перцептивно-деятельностной репрезентацией ментального и исследовалась в русле релятивистской парадигмы.

Различают три основных вида ментальных схем. Первый уровень характеризует перцептивную ментальную репрезентацию, которая является сенсомоторной схемой. Данные схемы вырабатываются в процессе непосредственного взаимодействия ребенка с окружающей средой. Они лежат в основе понимания причинно-следственных связей и основных законов формальной логики. Формируется простая репрезентация элементарных связей между поступками и их последствиями. Второй уровень содержит символические схемы. Ментальное представление отношений, усвоенных с помощью сенсомоторных схем, репрезентируется с помощью символов. Ребенок может думать о предметах не в категориях практики, а посредством знаково - символических замещений. Однако знаки носят аналоговый характер, сохраняя инвариантность структуры. Третий

уровень схем носит операциональный характер, зачастую обозначается как процесс интериоризации и представляет собой внутренние психические процессы с использованием символических репрезентаций объектов. Таким способом, согласно Пиаже, формируется способность к абстрактному мышлению и решению проблем без обращения к конкретным действиям.

Аналогичным путем осуществляется техническое моделирование искусственного интеллекта, которое начинается с конструирования технических репрезентаций аналогов сенсомоторных схем посредством различных механических датчиков и манипуляторов и заканчивается современными «умными машинами». При этом схема выступает в качестве ментальной репрезентации «софта» как в аналоговом, так и в цифровом формате.

Конкуренция парадигм в лингвистике. Интерес представляет рефлексия новой релятивистской парадигмы, которая зарождалась на фоне конкуренции объектно-субстанциальной и проектно - конструктивной парадигм и методологий в лингвистике. Осмысление когнитивных проблем, связанное с восприятием и обозначением цветов, стало пространством дискуссий между сторонниками двух выше обозначенных парадигм. Представители релятивистской парадигмы обоснованно утверждали, что лексическое обозначение цветов влияет на мышление и познание в целом, поэтому восприятие субъектом цвета зависит (относительно) от языковых форм. Универсалисты же, напротив, доказывали, что область цветообозначения подчиняется общим законам, которые определяются физиологическими возможностями человека воспринимать цвет и, якобы, не зависит от словоформ, обозначающих цвета. Контраргументом для релятивистов послужило утверждение, что физиология восприятия цвета не может служить основанием для субстанциальной парадигмы. В качестве такой субстанции следует рассматривать также прототипы. Например, на различие голубого и синего цветов более важным фактором является не физиологическая способность к восприятию соответствующей длины

световой волны, а, так называемые, прототипы. Известно, что в русском языке прототипом голубого является речная вода, а синего – небо.

Следует сказать, что экспериментальные исследования показали, что носители тех языков, в которых для определённых цветов существуют отдельные слова-понятия, приобретают когнитивные преимущества в оперативности (скорости) распознавании этих цветов. Современные когнитивные разработки, основанные на экспериментальных методах, направленные на изучение влияния специфики языков и других культурно коммуникативных форм на процессы мышления, не просто подтверждают релятивистскую парадигму, а позволяют выявить закономерности освоения человеком мира. В частности, исследованы отношения между мышлением, языком и культурой и описаны когнитивные механизмы взаимовлияния в аспектах: пространство, время, причинность, способы ориентации в природном мире, гендерные различия, метафоры как способы межкультурной трансляции и др. [2].

Переведем данную дискуссию на методологический уровень, который использует метаязык как язык моделей, проектирования анализа структуры познавательной деятельности как системы, и обратимся к физике как исторически первому дискурсу методологического исследования проблем объективации знания. Наше знание о мире, которое получает вербальную репрезентацию, содержит в себе не только информацию о самом мире и его объектах, но и выражает помимо технических (приборы, ресурсы, условия), когнитивные средства, среди которых важное место занимают языковые формы и способы освоения мира.

Как известно, впервые принцип относительности и релятивистская парадигма познания мира в явном виде были введены в научный обиход А. Эйнштейном в его специальной, а затем и общей теории относительности. Затем появилась квантово-механическая относительность при описании явлений микромира. Позже эта методологическая новация была отрефлексирована как рождение неклассического и постклассического типов

рациональности. Именно в этом философско-методологическом дискурсе, основанном на современной информационно-кибернетической картине мира, можно интерпретировать гипотезу лингвистической относительности как релятивистскую парадигму описания реальности, дополнительную субстанциальной.

Кризис решения проблемы конструирования онтологии. Кризис классического решения проблем познавательной деятельности в виде поиска объективной истины и описания мира таковым, каков он есть на самом деле, есть кризис фундаментальной онтологии, начало решения которого связано с рефлексией когнитивных презумпций. Истоки решения проблемы фундаментальной онтологии находятся, на наш взгляд, в древнегреческой философии и связаны двумя альтернативными подходами в виде парменидовской и пифагорейской моделей. Первый подход представляет собой установку, согласно которой познавательная деятельность представляет собой поиск объективной истины и описания мира таковым, каков он есть на самом деле. Так устроен мир, природа, а человек только может стараться познать ее как можно полнее. Свобода его выбора и ответственность за принятие решений весьма условны. Он – субъект-наблюдатель, основная миссия которого – наиболее адекватно понять мир. Вторая установка (пифагорейская) опирается на иные презумпции. Человек исследует мир, описывает процесс познания мира в виде процедур присвоения ему определенных свойств и их наименования. Различие между двумя подходами заключается в понимании роли субъекта и репрезентации познавательной деятельности. Объективистский подход снимает с человека ответственность за выбор и принимаемые решения, представляя дело таким образом, что субъект асимптотически приближается к объекту реальности. Конструктивистский подход основывается на активной роли субъекта, объективная реальность же, особенно в радикальной версии, не существует сама по себе, а конструируется субъектом.

Как известно, в философии существует несколько конкурирующих версий онтологии: объективистская Н. Гартмана [3], субъективистская М. Хайдеггера [4], а также конструктивистская У. Куайна [5]. Согласно знаменитому американскому физика и философу, онтология — это содержание некоторой теории - объекты, которые существуют в качестве презумпций-постулатов. Теория, выраженная специфически сформулированным языком, образует своеобразную систему отсчета, по отношению к которой только и возможны онтологические суждения, т.е. суждения о существовании.

Дальнейшее развитие науки, и частности физики элементарных частиц показало, что без субстанциальной парадигмы человечество обойтись не может. Об этом свидетельствует процедуры объяснения и интерпретации микроявлений, когда субстанциальная парадигма «протаскивается с черного хода» как временные строительные леса при построении новой теории в форме метафор и различного рода аналогий. [6]. Заметим, что данный метафорический способ объяснения является отнюдь не изобретением физиков и представляет собой фундаментальную когнитивную методологию освоения новаций различного рода, когда на основе метафоры как формы смыслового переноса осуществляется выделение смысловых структур как инвариантов когнитивного освоения мира. При этом применяемые аналогии используют неклассическую субстанциальную методологию. Метафоры все дальше отходят от субстанций исходного природного материала и все больше включают в себя инварианты познавательной экспериментальной деятельности. На наш взгляд, данный феномен конвергенции двух методологий - субстанциальной и релятивистской нельзя рассматривать как некое концептуальное неблагополучие. Напротив, когнитивистика постепенно находит новые способы освоения мира, способы описания и построения, проектирования мира, который нельзя моделировать в виде объектов и описывать мир, существующий сам по себе. Аналогичная ситуация имеет место и в

интерпретации пространства и времени как фундаментальных атрибутов бытия (включающего в себя субъекта) для построения адекватной картины мира [7].

При этом главной методологической проблемой в этот период становится обсуждение вопроса о возможностях и границах использования для осмысления явлений микромира категориального аппарата, применяемого в классической науке. Категории и понятия различного уровня обобщения были выработаны и соответствовали практическому опыту человечества, который держался на принципе наблюдаемости и верифицируемости. Затем была осознана простая истина, что кризис интерпретации в неклассической физике связан проблемой формирования понятий и категорий как языковых конструкций, требующих когнитивной рефлексии. Другими словами, проблема онтологии и построения адекватной картины мира была осознана как проблема когнитологии. Подчеркнем, речь идет не просто о проблеме языка и анализе отдельных понятий и категорий, а способе построения языковых моделей, объясняющих устройство мира - фундаментальную онтологию, при помощи которых можно осуществлять коммуникацию, а значит и понимание. Другими словами, речь идет о полном инновационном цикле, начиная с осознания и формулировки проблемы, поиске способов и средств ее решения, а также ее лингво-семиотического выражения.

Заключение. В настоящее время дискуссия между субстанциально - универсалистской и релятивистской парадигмами продолжается, хотя и потеряла свою остроту. Связано это, прежде всего, с тем, что пришло осознание дополнительности двух парадигм - релятивистской и субстанциональной. Становится все более понятно, что никакие экспериментальные данные не могут поставить точку в этом споре, поскольку две парадигмы представляют собой два типа рациональности, два разных способа познания и наименования (обозначения) мира, которые зависят, прежде всего, от типа системной организации объектов. Для

физиков, которые знакомы с дискуссией Нильса Бора и Альберта Эйнштейна о природе квантово-механической теории и относительности свойств микрообъектов к средствам измерения и условиям познания, знакомство со спором о цветообозначении в лингвистике вызывает эффект «де-жавю». Методологи на разных гносеологических проблемных полях, будь то лингвистика, или квантовая физика спорили об одном и том же. Какая же онтология является истинной: субстанциально - объективистская, или релятивистски-конструктивная. Сейчас мы знаем ответ на этот вопрос: действует принцип дополнительности и соответствия. А именно в том случае, когда объект исследования (в том числе лингвистический) можно рассматривать как простую систему (не развивающийся, самотождественный, в виде, например, слов-терминов и их значений в словаре) используется субстанциально - объективистская парадигма. Если же рассматривать лингвистические феномены в развитии как, например, реконструкции смыслов в процессе общения, то необходимо исходить из релятивистско - конструктивистской парадигмы. В этом случае вышеотмеченный спор можно рассматривать как попытку свести две парадигмы к одной – истинной. Другими словами, подобная дискуссия может быть объяснена только на уровне рефлексии и переходе на уровень метаонтологии. Две позиции нельзя свести к одной, поскольку они дополнительные и каждая имеет право на существование и «работает» в своей сфере применимости. А именно: субстанциональные концепции онтологии возможны, когда мы имеем дело с открытой, а релятивистские основываются на описании закрытой систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В.С. Степин. — М., 2003
2. Boroditsky, L. (2001). Does language shape thought? English and Mandarin speakers' conceptions of time. *Cognitive Psychology*, 43(1), 1–22.
Thibodeau PH, Boroditsky L (2015) Measuring Effects of Metaphor in a

- Dynamic Opinion Landscape. PLoS ONE 10(7): e0133939. doi: 10.1371/journal.pone.0133939
3. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Н.К. Гартман / Пер. с нем. Ю. В. Медведева под ред. Д. В. Складнева. — СПб.: Наука, 2003. — 639 с. — (Слово о сущем).
 4. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер / Сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
 5. Куайн, У. В. О. Слово и объект / У. Куайн / Пер. с англ. А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. — М.: Праксис; Логос, 2000. — 386 с.
 6. Вайнберг, С. Мечты об окончательной теории. Dreams of a Final Theory / С. Вайнберг — М.: ЛКИ, 2008, — С. 256
 7. Boroditsky, L. (2001). Does language shape thought? English and Mandarin speakers' conceptions of time. *Cognitive Psychology*, 43(1), 1–22.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ